

ЗОЛОТОЙ ФОНД
ЭЗОТЕРИКИ

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ IV

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72   Две жизни. Часть IV / Конкордия Антарова. — Москва :
Эксмо, 2023. — 592 с. : ил. — (Золотой фонд эзотерики).

ISBN 978-5-04-095850-4

Этот роман появился на свет необычным способом. Его автор — прославленная оперная певица К. Е. Антарова. Она не столько писала, сколько записывала текст, телепатически передаваемый ей последователем Великих Учителей Востока с иного плана бытия.

В этом романе есть все — захватывающий сюжет, хитросплетения прошлых перевоплощений и кармических связей между людьми, отношение к жизни и смерти, любви, дружбе, интриги, черные маги, погони и преследования. Воздействие этой книги на сознание читателей поистине удивительно.

Последняя, четвёртая часть романа — это настоящая мистерия в прозе. После многих приключений главные герои оказываются в тайной лаборатории Белого Братства. Там под руководством таинственных духовных Владык они приобщаются к сокровенным знаниям, доступным лишь посвящённым ученикам Высших Адептов. Дальнейший путь ведёт их вновь в широкий мир, к людям, чтобы принести им полученные от Учителей знания.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миланова А., комментарии, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-095850-4

Содержание

Глава	1. ОТЪЕЗД ИЗ ОАЗИСА ДАРТАНА. ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ. ДАЛЬНЯЯ ОБЩИНА	7
Глава	2. СОБЫТИЯ В ТРАПЕЗНОЙ. МОЁ НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ ЧЕЛОВЕКА	47
Глава	3. ШКОЛА. Я ПЕРЕДАЮ ПИСЬМО ФРАНЦИСКА. ЗНАКОМСТВО С ЖИТЕЛЯМИ СКИТА. СТАРЕЦ СТАРАНДА	83
Глава	4. МОИ НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА В ОБЩИНЕ. ЧАСОВНЯ РАДОСТИ. ВЫПОЛНЕНИЕ ПОРУЧЕНИЯ ДАРТАНА С ПОМОЩЬЮ РАДАНДЫ	124
Глава	5. ВСТРЕЧА С ЯССОЙ И НЕОБЫЧАЙНОЕ ВИДЕНИЕ В ПУСТЫНЕ. ПОСВЯЩЕНИЕ ЯССЫ. РАЗГОВОР С ГРЕГОРОМ. ДВЕ РЕЧИ ИЛЛОФИЛЛИОНА	170
Глава	6. НАПУТСТВИЕ ДЕТЯМ. РАССКАЗ МУЛГИ О РАДАНДЕ. УЕДИНЁННЫЙ СКИТ СТРОПТИВЦЕВ. СТАРАНДА И ГЕОРГИЙ.	213
Глава	7. БЕСЕДЫ И НАСТАВЛЕНИЯ ИЛЛОФИЛЛИОНА. АРИАДНА И ЕЁ ТРАГЕДИЯ. ОТЪЕЗД В ОАЗИС ТЕМНОКОЖИХ. МАТЬ АННА	249
Глава	8. ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ ОАЗИСА К БУРЕ. МАЯК. СТРАШНАЯ НОЧЬ БУРИ	289
Глава	9. ИЛЛОФИЛЛИОН НА ЗАВОДЕ В РОЛИ РАБОЧЕГО. ПЕРВЫЙ ОБЕД В ОАЗИСЕ ПОСЛЕ БУРИ. ВЛАДЫКИ ОАЗИСА	311

Глава 10. ЛАБОРАТОРИЯ СТИХИЙ. ЛУЧИ ПУТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ. ВЕЛИКИЕ УЧИТЕЛЯ. НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ И ИХ ТРУД ДЛЯ ЛЮДЕЙ. ВИДЕНИЕ В СЕДЬМОМ ЛУЧЕ	334
Глава 11. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАБОРАТОРИЮ. БЕСЕДА С ВЛАДЫКОЙ. БОЖЕСТВЕННОЕ ВИДЕНИЕ	370
Глава 12. ЖИВОЙ ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ. ПОСЛЕДНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ ВЛАДЫКИ-УЧИТЕЛЯ. ПОСЕЩЕНИЕ ВЛАДЫКИ-ГЛАВЫ И БЕСЕДА В «СВЯТАЯ СВЯТЫХ»	384
Глава 13. БАШНЯ СТИХИЙ ПРИРОДЫ В ЛАБОРАТОРИИ ВЛАДЫКИ-ГЛАВЫ. ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ МАХА-ХОХАН. ПОСЛЕДНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ ВЛАДЫКИ-ГЛАВЫ	401
Глава 14. ВНОВЬ ОАЗИС МАТЕРИ АННЫ. ЗАКЛАДКА ЧАСОВНИ «ЗВУЧАЩАЯ РАДОСТЬ»	428
Глава 15. БЕСЕДА ИЛЛОФИЛЛИОНА С ЖИТЕЛЯМИ ОАЗИСА. РАБОТА НАД СТАТУЕЙ. ДЕМЕТРО И ЕГО ПОРУЧЕНИЕ КО МНЕ. ОТКРЫТИЕ ЧАСОВНИ	458
Глава 16. ПРИЕЗД В ОБЩИНУ РАДАНДЫ. НАСТАВЛЕНИЯ ИЛЛОФИЛЛИОНА. ЧАСОВНЯ СКОРБИ. ОТЪЕЗД ДРУЗЕЙ В ОАЗИС ДАРТАНА И В АМЕРИКУ	486
Глава 17. ЧАСОВНЯ СКОРБИ И ПОСЁЛОК ПЕЧАЛЬНЫХ. МОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЧАСОВНИ РАДОСТИ. ПРОЩАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА В ОБЩИНЕ РАДАНДЫ. НАШ ОТЪЕЗД В ОБЩИНУ АЛИ	523
ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОРЮ ЛОРДА БЕНЕДИКТА И ЕГО СПУТНИКОВ. БЕСЕДЫ С ЛОРДОМ БЕНЕДИКТОМ. ТЕТРАДЬ ВЕНЕЦИАНЦА	546

Глава 1

ОТЪЕЗД ИЗ ОАЗИСА ДАРТАНА. ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ. ДАЛЬНЯЯ ОБЩИНА

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас — как мог и умел — посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали Иллофиллион и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз — был ли то убогий карлик или одарённый, а может быть, даже гениальный человек — все начинали эту новую жизнь с печали, слёз и тоски. И я ещё ни разу не видел у человека такой духовной мощи, чтобы он отправлялся в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришёл *его* момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и... впервые закралось в мою душу сомнение, сумел ли брат Николай начать свою новую жизнь с радости...

— Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, — весело сказал мне Иллофиллион, возвращая меня к настоящему. — Тебе не надо искать ответ на вопрос о том, как протекают жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в *своём* движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию, причём не в арифметической, а в геометрической прогрессии. И первое, что ты для этой цели можешь сделать, — помоги Игорю собрать все вещи

Наталии Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади её с Зейхедом на мехари и оставайся, вместе с Игорю, в роли рыцаря-охранника при нашей «молниеносной» даме всё время путешествия. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы — сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты *так* же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, — прибавил Иллофиллион, ласково потрепав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью Иллофиллиона, умевшего всегда и всё понять и сделать лёгкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой и стать для неё в пути рыцарем-стражем, во мне пронеслось нечто вроде протеста и даже возмущения, а также чувства горечи от расставания с Иллофиллионом — точно я был недоволен, что кто-то другой займёт в пути моё место рядом с моим дорогим наставником. И всё это сразу же схлынуло, стоило лишь ему вызвать в моей памяти ту Наталию Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтён до дна, но и прощён до конца, и радостно бросился к Игорю звать его на новое дело. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали. «Неужели это закон для всех?» — думал я, собирая в плетёную корзинку вещи Наталии Владимировны и поражаясь тому, какое количество их она набрала с собой. И чего тут только не было! И кружевные косынки, которые она обычно носила на своих непокорных волосах, и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни, и книги, и пряники, и финики. Дойдя до последних,

я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

— Ну, это вы делаете совсем не так, — сказала мне старшая, вываливая на высокий каменный стол из корзинки всё, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. — Сейчас мы разложим вам всё по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этого сплетённые мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игоро, которого они очень сердечно приветствовали.

— Теперь пойдёте, вас ждёт у нас завтрак, — сказала старшая.

— Не сомневайтесь, — прибавила младшая, заметив моё колебание, — доктор Иллофиллион и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать стихи великих поэтов.

— Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, — перебила её старшая. — Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдёте же, а то кофе остынет, — улыбнулась она нам.

Поблагодарив за приглашение, мы с Игоро посмотрели на свои запыхлённые руки и одежды. Дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эту. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне одежд.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игоро с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я же следовал мыслями за профессором...

Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда я мчался за Бетой. Тогда я не сознавал ни себя, ни её отделёнными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей Вселенной, с Богом; там я пел со всем, меня окружающим, песнь торжествующей Любви... Здесь я видел отделённое бедное сердце, не имевшее ещё сил осознать себя частицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел ещё в человеке частицы Единого, но воспринимал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?..

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая весёлого смеха, сказала мне:

— Ну и пожалела бы я тех, кого бы вам поручили в пустыне, Лёвушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, уносясь в ваших мечтаниях, предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

— Это очень грустно, дорогая Наталия Владимировна, что именно вам дал Иллофилион такого немудрящего рыцаря, как я, в качестве охранника в пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить своё усердие, — ответил я, впервые ничуть не смущаясь саркастическим выражением её глаз — электрических колёс, которыми она меня пронзала, и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

— Я так счастлива, Лёвушка, Иллофилион сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошёл к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову вверх.

— Мой милый гость, я не так давно получил новые книги от моего друга, сэра Уоми, и прочитал ваш рассказ. Я едва поверил, когда Иллофиллион сказал мне, что автор — юноша, почти мальчик. Если бы вы даже много раз были рассеянны по отношению к внешним вещам, то та глубина, в которую вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш юный возраст, говорит одно: вы идёте вожаком и для вас нет мерила обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во Вселенную такую цельность устремления, какой обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня — теперь совершенно сконфуженно-го — рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

— Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаём себя побеждёнными, если противник превзошёл нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в *вас* ту *силу* одарённости, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, *что* значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетённых из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что всё это — хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма и цвет хлебцев то напоминали картошку, то походили на морковь. Я не знал, что к чему подано, смотрел на все корзиночки сразу и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришёл мне на помощь, говоря:

— Нам приходится приспособливаться к ежедневным потребностям, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда делаются с подмесом муки из плодов хорошо растущих у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком белый для глаз европейцев. Не было

ещё ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над его видом, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую маслёнку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту этих вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, тёмная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце её сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял жёлтый бриллиант. Я подумал, что клафт¹ на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой и в нём Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня, и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он смотрел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

— Нет, — сказал он мне, улыбаясь. — Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, тёмный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку Иллофиллиона и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором разных мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

— Опять проштрафился.

— Нисколько, — ответил мне он. — Но надо активнее кушать, так как время не ждёт, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить меня досыта. Но, зная наставление Иллофиллиона перед

---

¹ К л а ф т, или немес — головной убор египетских фараонов; один из символов их царской власти. — *Прим. ред.*

отправлением в путешествие — не есть много, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал Иллофилион и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что в оазисе оставалась только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушёл вперёд, руководимый Никито. Я был очень удивлён и подумал, как же совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня всё лежала в постели.

— Не беспокойся о тех, кого я тебе *не* поручал, но будь собран и *до конца* бдителен с теми, кого я тебе *поручил* и от обязательной заботы о ком ещё тебя не освободил, Лёвушка, — сказал мне Иллофилион. — Старушка благополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, — и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошёл к ней, подозвав Игоро, и мы втроём с большим трудом усадили её в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с неё ничего не спадало. Пот катился градом со всех нас, и всё же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы укутать её плащом и зашнуровать его как следует, так как она спорила с нами и сбрасывала с себя всё, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие моё воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло *мне*, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал одеждой грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Ещё и ещё раз я понял, сколь многому я должен ещё учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто *личный*, а не *действенная сила*. Причём сила такая, которая вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно закрывающая горшок с горящими углями и сдерживающая

их огонь. Я понял сейчас, почему влияние Иллофиллиона и других моих высоких друзей так освобождает людей и даёт им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишённое всякой мысли о себе — этой назойливой требовательности собственного «я», — вливает энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что ответственен за то, как прошла встреча с человеком и какие чувства в нём пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, на которой находился я, и тем величием Света, в котором жил Иллофиллион. Я снова вздохнул и услышал нежный голос Иллофиллиона:

✧ — Мой мальчик, привыкни делать *каждое* текущее дело как самое *важное*. Привыкни не пересыпать перцем своих ✧ благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто находится вокруг тебя. Иди, простись с хозяином. Я займу твоё место рыцаря на это время подле Наталии Владимировны.

Иллофиллион подошёл совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игорю пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушёл. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нём, но... вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей...

Когда я подошёл к Рассулу и, кланяясь, поблагодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперёд, что встреча с вами даёт мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, — показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили от него меня. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своём долге вам, но в течение многих веков не имел возможности возратить вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя

вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите её от меня. Редко встречаются в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий.

Эта же вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Всё, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните до конца ту цельность верности, в какой вы сейчас живёте. И великая Жизнь поддержит вас — вожака человечества — в том месте, к которому *она* теперь подвела вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает таящиеся в человеке силы до высоты совершенства, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, уже теперь горящий костром, должен принять форму сферы, чтобы стать гармоничным путём для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе!

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причём само солнце представлял большой жёлтый алмаз и такие же камешки сверкали в глазах сфинксов.

Я был потрясён его словами, восхищён подарком и в то же время огорчён: опять у меня ничего не было, что бы я мог подарить любезному хозяину в ответ на его дар. Он прочёл мою мысль и сказал:

— Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, — ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне препод-

нести. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мою радость быть ему полезным он продолжал:

— В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что *не их* собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их *самих* отъединяться от своих ближних, но что это окружение *не* даёт им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Таковы и наши строптивцы, которые сейчас живут в дальней Общине; объехавшие чуть ли не весь мир, они нигде не нашли себе покоя. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы *можно* было послать им весть, надо, чтобы *вестник* был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только весть, переданная через *такого* вестника, не спровоцирует нового бунта и нового пароксизма отрицания в душах этих несчастных. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

— Вы слишком хорошо читаете в моём сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, — ответил я. — Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил её в красивый мешочек, сплетённый как циновка, и подал мне, говоря:

— Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах *тех*, милосердие и дары *которых* он вообще несёт в серые дни земной жизни. Но важно, чтобы его *собственная* активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с *их* любовью, сумела *внести* мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока будет совершаться передача вести. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание,

от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянной раздражительности, и ваша верность помогла вам взойти на ступень неизменной доброты. Ваш *новый* путь бдительного внимания к каждой *встрече* даёт вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик *может* продвигаться в *высоту* тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей встречному освободиться от подавляющих его страстей.

По внешности, по мнению людей недалёких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем *им* бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни вам придётся столкнуться с этим. Но на суд людей вы никогда не обращайтесь. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о вас по *действию* вашего сердца, культуру которого *может видеть* лишь тот, чьё сердце бьётся в ритме Вселенной. Таких сердец на земле не так много, и отсюда идёт некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо решительнее убирать *внутренние* перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение *силу* энергии *Тех*, *Кто* ведёт вас, никогда не давая вам чувствовать огромной пропасти между *Их* и вашим духовным миром.

Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала¹. Научитесь вводить в *действие* в каждой встрече с ними энергию вашего высокого друга Флорентийца как *такт* и *обаяние*. И только тогда передайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чём вас не предупреждал, а просто велел вам передать их его адресатам, неся *Его*

---

¹ Астрал — в данном случае — астральное, или эмоционально-чувственное, начало человека, один из структурных принципов его природы. Его носителем в структуре многомерного организма человека является астральное тело. — *Прим. ред.*

чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы ещё не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. *Его* освобождённая Любовь несёт всем такую *непобедимую* силу, что рука, подающая *Его* весть, может быть *только чиста*. Сила Франциска, его Радость сокрушают всё условное в людях сами по себе, не нуждаясь в *содействии* гонца. Если гонец может передать *Его* весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но всё же несло встречным себялюбие, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, для которых он передал мне письма.

Я был глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил *Его* помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу Франциска, ставя *Его* прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока я буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и ещё переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он даёт наставления относительно какой-то театральной пьесы.

Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, сразу же, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он с беспокойством сказал:

— Неужели я опоздал и задержал вас, Лёвушка? И вы один ждёте меня здесь?

— Не беспокойтесь, — ответил ему за меня Дартан. — Учитель Иллофиллион распорядился дать вам время осмотреть наш театр и продекламировать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушёл вперёд, а Иллофиллион по обыкновению не потерял ни одной минуты

времени. Я же приношу вам мою благодарность за то, что вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в занятиях искусством. Конечно, ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но... одно дело понять, а другое дело — суметь. На вашем языке, как вы сказали мне вчера, знать — значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется вам слишком низкой для вашего гения.

— Я опускаю ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни, не будучи настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что вы не видите, как глубоко я поражён достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссёр, мой ученик Игоро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга, Учителя Иллофиллиона, за которым мы сейчас следуем. Но если он разрешит нам, то на обратном пути мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, на сколько сам Учитель Иллофиллион найдёт нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что Иллофиллион и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с Иллофиллионом, растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

— Не волнуйтесь, друг, — ласково сказал Дартан. — Иллофиллион распорядился, чтобы я помог вам догнать его. Я велел оседлать вам моего, особенно быстроходного мехари и сам довезу вас до Иллофиллиона. Не пройдёт и часа, как вы будете с Иллофиллионом, а я возвращусь обратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого

он несёт на себе, он верностью своей будет стоек и твёрд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесёт вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мёртвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощание прочтите ещё что-нибудь вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведённого ему огромного мехари, Ясса набросил ему белый плащ — и я увидел ожившей картину Бетаты. Лицо артиста сияло сейчас таким же блеском энтузиазма, каким она изобразила его на своём полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание римского вождя с народом перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что меня вернули к действительности только последние слова: «Римляне, вернусь ли я, или весть о гибели моей дойдёт до вас — помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству, будет принадлежать вся слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоёвывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам».

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной выросал образ Рима, я забыл, кто я, и что я только «Лёвушка — лови ворон»; я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю... О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?!

Ясса тормозил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом пришёл в себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее Бронского и Дартана, и подошёл к своему мехари, рядом с Андреевой.

Я приготовился выслушать её недовольный выговор и был крайне поражён, встретившись с её огромными глазами, в которых ещё сверкали слёзы и выражение которых было кротким, умиленным, точно ей было пять лет.

— Понимаю вас, Лёвушка, — ласково сказала она мне. — Как часто в жизни я понимала своё ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действенному самообладанию. Когда Иллофиллион уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мёртвые при обычном чтении, ожили. Они разрежали на мне верёвки, сотканые моими же страстями, и помогли мне раскрыть крылья — единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперёд: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталия Владимировна, но я понял, что пламя гениальности Станислава освободило в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Ещё раз я поразился тому, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого *go* того момента, когда борьба в самом себе подведёт сознание к той степени гармонии, при которой в сердце человека может снизойти озарение.

Мы двинулись в путь не одни. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадаках арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с Иллофиллионом.

Мне было забавно наблюдать, как мчались лёгкие лошадаки, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари, как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой.

Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал усталости и немало удивлялся, что всегда весёлая и остроумная в каждом обществе Наталия Владимировна была на этот раз очень серьёзна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трёх часов. Я уже начал было уставать и чувствовать жажду, но тут с нескольких сторон сразу раздались возгласы: «Дедушка!»

Я положительно не видел ничего такого, что можно было бы принять за дедушку, особенно учитывая рост великана. Я видел лишь один однородно блестящий песок. Но ехавшая возле меня дама указала мне на горизонте маленькое облачко пыли, которого без её указания я бы и не заметил. Я отнёсся с недоверием к её дальнорукости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося всё больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула.

Он сказал, что в полудне езды Иллофиллион ждёт нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе, и после этого ещё раз попрощался с нами. Послав благословение нашему пути, Дартан, окружённый своей семьёй, продолжил свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединились с Иллофиллионом и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попав сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что всё, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на своё дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев Иллофиллиона, разговаривавшего с кем-то, я подошёл и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно, вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чём-то стараются оправдаться перед Иллофиллионом. Но затем я понял, что старики дают Иллофиллиону отчёт в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

— Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого, что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы всё старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему — и тогда оставаться нищим кочевым племенем, — или осесть в оазисе, в той его части, которую отвёл для вас Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод, и тогда вы стали бы зажиточным племенем. Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что всё молодое и лучшее у вас вымирает, потому что *вы* не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с её неудачами преследует вас. Вы утверждаете, что ваше новое поколение растёт злым, не повинуется вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что *вы* мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем.

Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать одно сырьё, вместо того чтобы обрабатывать кость и делать из неё прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я ещё раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я разговаривал с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его члены умеют хранить в своем сердце главное условие для победы: *мужество*. Вы вялы, и мысль, которая пробуждается у вашего молодого поколения, не находит пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают её к ссорам и разврату.

Вы говорили мне, что поняли необходимость культуры для вашего племени. Но всё это были одни слова, а реальной заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что небеса, молиться которым вы учите своих детей, пошлют вам помощь, а вы будете, ожидая её, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ — действуйте, как я вам указал, и запомни-

те: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, потратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что не можете отъединиться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не послушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребёт вас, так как вы стали слишком малочисленны, чтобы защититься от неё.

Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взяли вестить свой народ, а никакой любви к нему в вас нет. Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят для жизни в пустыне. Это *вы* не подходите к новым способам, так как не видите ясно перед собой русла, в которое должна вливаться новая сила вашего потомства. Ответственность за гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них *вы* будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие заботы и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Но нужна великая любовь, которая учит беречь человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь переложить ответственность с себя на Бога. Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке.

Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Найдите в себе любовь! Любовь ваша родит энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдёте вновь здоровье.

Иллофилион повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз всё моё внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в своё сердце и, казалось мне, сам читал в нём свои промахи и видел эпизоды отсутствия внимательности, когда целые отрезки жизни, а не маленькие мгновения её, проходили в пустоте.

Среди мыслей и слов, вспомнившихся мне в эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, сказанные нам с Бронским о дальней Общине и о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моём сердце, я старался выбросить из него всё личное и думать только о том, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

Иллофиллион умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

— Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему старается собрать всё лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу, чтобы вы обратили особое внимание на то, как следует подготовить себя к встрече, если вам известно, что встречный — великий страдалец. Я употребил это слово «страдалец» потому, что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Всё, что из совершённого человеком в прошлых воплощениях обыватель назвал бы смертным грехом, вами должно восприниматься как та или иная форма страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света.

Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не стремясь распознать, предложить свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны принести утешение? Нет, наоборот, вы должны быть вдвое бдительнее и внимательно наблюдать, насколько данный человек одержим тёмными силами. Бывают случаи связи человека с тёмной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, когда эгоизм и жадность разлагают в человеке те мозговые центры¹, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают

---

¹ Речь идёт об энергетических центрах, чакрах, или чакрамах. — *Прим. ред.*

сильными физическими телами, но светлой энергии, непрерывным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их тела проникает солнечная энергия, но проникает она лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, физически действовать, но не творить. Для творчества, для жизни на ступенях эволюции Вселенной у них этой светлой энергии не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил природных стихий, используют это только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам тёмного оккультизма.

По каким признакам вы можете распознать, одержим ли встреченный вами человек тёмной силой или он только болен, не имея возможности найти в своём сердце любовь, чтобы погасить негативное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти в себе достаточной силы любви, чтобы погасить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда *есть* Святая Святых, с которой он живёт и трудится. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своём сердце он *знает* божественное начало и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих эти силы *живут*, когда вы подходите к человеку, их трепет в вас даёт вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а не тёмный оккультист. Страдалец мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек *может* освободиться от наросших на нём корок предрассудков и суеверий, ещё *может* найти узкий ход к воротам освобождения.

Какова же ваша роль в этих случаях? Вспомните то, о чём говорил ночью Франциск: «От доброты и любви ученика размягчаются, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного *может* проникнуть солнце *вашей* Любви». Ещё и ещё раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: «Если сердце ваше чисто, *никакое* зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно»...

Как и благодаря чему вы можете распознать, что перед вами тёмный оккультист? Имеют ли все тёмные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что в этом человеке скрыта отталкивающая сила, выявленная *вся* вовне? Среди тёмных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие, как и среди остального человечества. Среди них есть и гиганты, и карлики, и самые обычные на вид люди, с нормальной внешностью и психикой. Но что *неизменно присуще* всем людям, так или иначе попавшим в лагерь тёмных? У каждого из них на *первом* месте — эгоистическое стремление *овладеть волей* встречного. Прежде чем вникнуть в цель и смысл встречи, тёмный применяет свою силу внушения, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчинённое положение. Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А тёмные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека.

Раздражительность — первый и главный козырь тёмных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нём страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно — с железным самообладанием и выдержкой — втягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это *первое* общее для всех тёмных сил правило деятельности...

Второе неизменное правило их поведения — *проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и запутывать сознание* встречного так, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной области жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что *всё в нём самом*, что только *он* — независимый и абсолютно свободный творец

* и мастер всей своей жизни, настолько же тёмные стараются внушить каждому, что он бессилён и немощен без *внешней* помощи и опеки, которые только и могут раскрыть ему двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоём: он и его Единый. А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в себе и которой он объединяется с людьми.

В речах же тёмного всегда звучит призыв к разъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, тёмный говорит встречному: «Не ищи возможности разделить свои блага с кем бы то ни было. Всё, что я дам тебе, — всё сложи в склады и держи для себя. Если это материальные сокровища — копи их, ибо они сила и ими завоёвывается мир. Если это знания — помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда занимать позицию силового превосходства и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в ходе их ссор и вражды выхватывать себе удачу и богатства. И чем жёстче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни»... Эти наставления составляют *третье* правило кодекса тёмных. Действуя по этим трём правилам, тёмные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздражённых и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы.

* Эгоизм человека, его самость, его стремление всегда в жизни исходить из интересов своего «я» и всюду выдвигать это «я» часто приводят его к встрече с тёмными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И всё же в его уме может бурлить протест против современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И тёмной силе готов

новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап тёмных. ✨

Повторяю, тёмные *могут* быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих действительность, не обладающих собранным вниманием. И только несколько раз попив этой «горной водички», неосторожный человек сможет разобрать вкус её горький, запах её, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрёл, какое сам, своею неосторожностью, вызвал зло.

Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, которая пробудилась в вас, и устремили её потоком радости из ваших сердец навстречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог тем страдальцам, которые не знают мира в сердце, легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет. Франциск сказал вам о них потому, что знал *вашу* чистоту и верность, знал, что вы *можете* излечить в каждом из ваших новых встречных какую-то рану, куда вольёте мир и доброту.

Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своём бунте с тёмной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была щелью для тёмных; и злые силы проводили в мир свои дела и идеи через этих бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно *они* служат проводниками зла. Все, кого вы увидите в дальней Общине, были спасены Белыми Братьями милосердия и охранены, защищены целой общиной добрых людей, через невинные сердца которых злым силам прохода нет.

Вступая в зону этих охраняющих тружеников, несите *им* свои помощь, чистоту, мир и радость. Ни на одну минуту не замыкайтесь мыслями на себе, но думайте только о тех страдальцах, к которым приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет *так* забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари

обратно в оазис. Здесь, — прибавил Иллофиллион, остановив своего верблюда, — живёт пустынный, среди этой маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным; чья верность *грозит* перед необходимостью *полного* внутреннего самообладания и *слияния* с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайте беспрекословно, *что бы ни сказал вам Он*. Если прикажет возвращаться, то знайте, что если нарушите Его приказ, поступив так, как вам кажется прекрасным и нужным, вы не только не сотворите добра, но соткёте ещё одну нить зла. Вы надолго отрежете себе самим возможность продвинуться вперёд по пути освобождения...

Иллофиллион замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных её не нарушало. Я так горячо воззвал к Флорентийцу, как ещё ни разу не призывал Его.

«Создавай сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, — услышал я Его голос. — Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять *один* в своей земной задаче, но всегда объединён со Мною. Чаша в моей руке — это *твои* дела и поведение *в жизни*. Мужайся и сплетай Огонь моей чаши с Огнём сердца той, чьим рыцарем тебе велено быть в пути. Иллофиллион велел тебе опекать её только в пути, я же велю тебе опекать её и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во всё время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за моей верностью».

На этот раз я особенно сильно пережил мгновенное слияние с моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границы между «я» и «не я» в моём сознании не было...

Когда я опомнился, мехари Иллофиллиона стоял перед нами, Иллофиллион смотрел на нас, улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

— Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, уверенно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идёт.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил Иллофиллион, но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп, как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

— Вот, Лёвушка, первое испытание, о котором говорил Иллофиллион, — указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были её первые слова.

Я с удивлением взглянул на нее, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

— Это не ветер, а человек, — прибавила она, так серьёзно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлён выражением её огромных глаз.

Её лицо обычно носило несколько ироничное выражение, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого встречного казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим особого внимания. Но теперь её лицо было не только строго, но на нём отразилась какая-то неумолимая суровость, что меня озадачило. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всём, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь ранее полученному приказанию Флорентийца, я приблизил своего мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Наталии Владимировны. Через некоторое время вдали стали вырисовываться верхушки пальм. Иллофиллион сдержал ход своего верблюда, и вскоре весь караван перешёл на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различал в нём ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя ход, он подскакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперёк нашего пути, точно

приказывая нам остановиться. Пыль ещё не улеглась, я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нём как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но Иллофиллион ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд Иллофиллиона столкнётся с конём всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

— Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал перёрк дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчётливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен наглостью и вызывающей дерзостью, которые отражались на всём его облике. У меня мелькнула мысль, что это разбойник, хотя его внешность была скорее элегантною, чем небрежною.

Иллофиллион всё так же двигался вперёд, а всадник всё так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, Иллофиллион слегка поднял правую руку и сделал едва заметное лёгкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг унёс всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время незнакомец не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призвал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, очевидно, почувствовала моё духовное напряжение, отвела свои глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

— Спасибо, Лёвушка. Когда Али несколько минут назад приказал мне быть под вашим покровительством не только в пути, но и во всё время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Сейчас ваша любов-

ная забота тронула меня. Я поняла, что вы — именно та сила самообладания, которая *может* быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в ком-либо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы найти брешь в нашей воле. Но он не знал, что Иллофиллиону он не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своею защитной сетью. Я буду вам помогать слева, вы защищайте правую сторону, спереди Иллофиллион — непроницаем, а сзади Ясса — защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конём и резко закричал:

— Что такое? Почему вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь вы не дикарь и не дикарей ведёте за собой? Мне надо с вами переговорить, потому я и остановил ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

— Вы не остановили моего каравана, — ответил ему своим обычным тоном Иллофиллион. — И если бы вам вздумалось повторить ваш дерзостный манёвр, он стоил бы вам жизни.

— Вот как вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой! — снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дёрнул своего коня и отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою смешливость. Всадник поднялся на стременах, пронзил меня своим взглядом — глаза его были чёрные и выпуклые — и в бешенстве закричал:

— Щенята вашего каравана оскорбляют меня, а вы молчите!

— Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что вам нужно? О чём вы просите? — ответил Иллофиллион.

— Я ни о чём не намерен вас просить, я при... при... я напомнить вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я, и я никого туда не пропущу! Вы можете отдохнуть в моём доме, если хотите. В моём саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, — говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

— К вашему сведению должен заметить, что охранник въезда вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже достигла Общины, а вы даже не видели её, несмотря на всю вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал вам, что ещё одна попытка остановить мой караван будет стоить вам жизни. Постарайтесь собрать своё самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чём давно обращаетесь с просьбами к Али.

— Али — это Али, а вы... пф... Вас я не знаю и с вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да ещё в присутствии ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

— Али уже много раз выслушивал вас именно потому, что вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил вам свой долг сторицею, и больше он не имеет кармического права ни спасать вас, ни даже выслушивать. Мера его милосердия относительно вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

— Это мне нравится! Да на каком основании вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему. В посредниках я не нуждаюсь!

— Я уже сказал вам, что все возможности для вас быть выслушанным Али закончены. Я запрещаю вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал вам на это своё разрешение. Но сами вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал вам его! Сегодня для вас открывается последняя возможность быть защищённым мною и спасённым в тайной Общине, так как в этой дальней Общине вам, сознательному злодею, места

уже нет. Сегодня вы ещё можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно! Много раз обманутые вами ваши соратники тёмных сил завтра достигнут вас. И вам не придётся ждать от них милосердия, которого вы в жизни своей не проявили ни к кому.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как Иллофиллион говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не просто страха, но ужаса. Всё же он постарался овладеть собой и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

— Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких моих врагах вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чём упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполню, но слова не сдержал. Но при чём здесь вы? Быть может, вы скрываете, что Али послал вас ко мне? — с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаённой надеждой закончил свою речь всадник.

— Если бы Али и имел возможность спасти вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к вам руки возмездия. Ибо эта рука вызвана вами и может быть остановлена тоже только вами. Кроме того, я уже сказал вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти, выросшие выше вашего роста, стены вам не пробиться к Али никогда. Ещё раз — и последний — я предлагаю вам свою помощь. Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что собой представляет, вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, а вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищённым от прежних своих друзей, которых вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал — завтра они достигнут вас, и вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают вас.

— А разве в тайной Общине, где день и ночь надо работать, где нет никакого простора для собственной воли, где

все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его сознании представление о реальной встрече с его врагами заставило его опять пережить неопишуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

Иллофиллион спокойно сидел на своём огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Черты его лица исказились, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и стал пытаться сбросить своего жестокого господина. Наконец незнакомец вымолвил:

— Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Вдруг он вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечный приступ не дал ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

— А вдруг вы обманываете меня, чтобы заманить в свои сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в вашем тайном месте?

Иллофиллион рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как звук клинка, которым говорил очень редко:

— Что вы за «силища», в этом вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны вы и ваш конь, не способна помочь вам, ибо ни вы, ни ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у вас был мой гонец и предупредил вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит вам: «В последний раз вам предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту вы не примете решения, ваша жизнь в веках окончится в страданиях вместе с жизнью планеты, а затем

исчезнет из Вселенной, сожжённая огнём вашей лжи и всей той кровью, что лежит на вас. Выбирайте, времени нет, враги ваши уже близко».

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что теперь он понял слова Иллофиллиона вполне, и правда их его ошеломила.

— Я согласен, — еле слышно прошептал он.

Иллофиллион приказал ему отъехать в сторону, присоединиться к Яссе и ехать с ним до тех пор, пока мы не встретим надёжного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далёкую тайную Общину.

— Надёжный конвой? За два года жизни в этом саду ваш караван первый, который я увидел. Кто ещё может оказаться здесь? — говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

— Да, *вы* видели только первый караван. Так же, как *не* увидели в повстречавшемся вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но *он* видел вас и оповестил о вас пославших его на поиски ваших врагов. Он искал вас усердно, ибо иначе ему было не миновать ужасной судьбы вроде вашей, — ответил Иллофиллион.

Проехав ещё около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадках. Все они, встретившись с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились Иллофиллиону, коснувшись земли своими тюрбанами.

— Встаньте, друзья, — сказал им Иллофиллион, — ваш грех давно прощён, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете ещё сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых сил, — отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ними встанет песчаная буря. Она заметёт ваши следы и погубит весь труд тяжёлого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

Иллофиллион повернулся к Яссе и сказал:

— Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, который я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

— Переоденьте одежду, которую вам подали, — обратился он к буйному всаднику. — Отдайте своего утомлённого коня Яссе и возьмите его мехари. На коне вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодевался, пока Иллофиллион разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я присмотрелся к их лицам и был ими просто поражён. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое — дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнёт на каждом из этих лиц неуловимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к Иллофиллиону. Посмотрев на него пристально, Иллофиллион обратился к бедуинам:

— Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много лет назад я спасал вас от преследовавших вас врагов, в каком диком ужасе были вы тогда, и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими тёмными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей.

Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и выз-

вал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во всё время пути и жизни в уединении, — обратился Иллофиллион к всаднику. — Думай не о трудностях *этой* минуты, не о тяжёлом *дне*, когда твои *страсти* раздирают тебя и *мешают* тебе видеть что-либо, кроме самого себя. Но думай, что *вся* жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости. Думай, как тебе понять, что такое *радость*. И в первый же раз, как ты её *испытываешь*, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. *Радость* ведёт к победам Любви, а злое уныние — к упорству воли. Упорство же воли — меч зла. Этот меч не может разить там, где живёт *радость*.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окружённый своей стражей на маленьких лошадаках, он был похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадежное отчаяние выражала вся его фигура.

Иллофиллион сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв немного и всё время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, Иллофиллион тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево. Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я дал себе отчёт в своём поведении во всё время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз я *наблюдал*, а не *действовал* в том смысле, как учили меня принципы жизни в Общине, то есть *быть* и *становиться*. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нёс ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял как *действенную силу помощи*, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время одной встречи освобождаясь от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, *как* надо действовать? Почему я не смог передать этой несчастной, страдающей душе свою энергию любви? И снова я сам себе дал ответ: знать — значит уметь, а я только знал, но не умел.

Я забыл обо всём и обо всех, забыл время, пространство и место, я всё думал о бешеном всаднике...

— И теперь, Лёвушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, которую дал тебе Флорентиец, и серьёзно приняться за выполнение своей роли рыцаря подле Наталии Владимировны, — вдруг услышал я голос Иллофиллиона.

Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, ещё более удивился тому, что голоса Иллофиллиона никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенёс всё своё внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталия Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза её блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся её тяжеловатая фигура выглядела подобно некоему центру силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю её как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чём её не спрашивая, я *точно* знал, куда летели её «снаряды», знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед её духовным величием. Я понял, как была высока её культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живёт манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались ещё минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними верхушки деревьев, кое-где крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

— Я здесь никогда не была, Лёвушка, — сказала мне Андреева. — Несмотря на то, что Али сам учил меня многому, что составляло запретную область для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, что да почему, получая те или иные

указания Учителя. Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незаданный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне всё. Мира в сердце, полной примирённости со своими собственными жизненными обстоятельствами не было во мне до этой последней минуты. Сейчас, «прочитав» жизнь не только этого несчастного, добровольно впутавшегося в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, которые послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своём сердце постичь *закон Мудрости* в каждом явлении жизни человека. Горе и страдания невинных — по всем видимым, внешним признакам — людей меня возмущали. И вообще, весь жизненный путь подавляющего большинства людей, идущий через страдания, выводил меня из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Главное, чего я не понимала, — мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помогать, как мне это казалось.

Но сейчас мне открылось главное. Я поняла, что не всегда можно помочь человеку, потому что в нём самом лежит первое препятствие к получению помощи. Человек бывает так закреплён в своих предрассудках, что считает свою, на *своей* манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому человеку, сугубо лично воспринимающему добро и всю жизнь, вся остальная Вселенная, с её *законом* Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мёртвым хаосом, где на его долю выпадают незаслуженные им горести и муки.

Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил тёмным, отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд жизненных ценностей, как он их понимал. Устрашённый трудностью пути подле Али, он пожелал лёгкого достижения

блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у тёмных наука не только трудна, но и страшна, если не сказать — ужасна, он сбежал, обманул их и дорого продал часть их дешёвеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие Иллофиллиона. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке не было больше ни одного аспекта Чистоты, дороги к которой был бы в силах расчистить Али. Иллофиллион поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные люди, связавшиеся с тёмными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви.

Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасены вовремя от злой силы. Иллофиллион старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был ещё один друг, которому они верили, считали его своим старшиной и во всём следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный Владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле он отправился к тёмным и пообещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путём огромных страданий, путём полного убийства в себе всех человеческих чувств: милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания — он добыл у тёмных часть их тайн. Настало время расплатиться с ними за это. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов, или слуг, готовых беспрекословно повиноваться всей шайке тёмных, содержащей своих соглядатаев по всему миру. Встреченные нами пять бедуинов пылали верностью и любовью к своему старшине. Иллофиллион предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он сам нашёл возможность увидеться с ними и рассказал им, что все призывы их друга — ложь, что он увлекает их в ловушку, где их ждёт гибель у тёмных. Но и личное свидание с Иллофиллионом не помогло. То, что *они* в своём слепом заблуждении называли *верностью гругу*, заставило их служить тёмным по указанию этого «друга», якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные,

всё больше и больше давая тёмным возможность овладевать ими, пока они на личном опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумёртвые от ужаса и пыток, которым их подвергали, они воззвали к Иллофиллиону, моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный Иллофиллион спас их. Как много надо сил сердца, Лёвушка, чтобы человек понял Истину и её божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, о чём он говорит. Всё сейчас стало мне ясно. Все слова Франциска сложились в стройную систему действий творческих сил, где всё, что творит, *может* творить только в *мире* собственного сердца. Никакое *иска-*ние Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока в нём самом нет полной примирённости...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой поразили меня тем, до какой степени личные чувства и субъективность восприятия способны закрыть глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из белого гладкого камня, напомнившего мне стены дома Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подоспевшего Никито, я сошёл с седла, но Иллофиллион немедленно своей рукой вложил мне в рот лекарственную конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я тут же бросился к Наталии Владимировне и с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех её покрывал и тесёмок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран. Бедная женщина была так слаба, что Лалия и Нина, подбегавшие на помощь, увели её, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она выглядела такой крепкой и свежей, точно и не ехала весь день по пустыне.

К Иллофиллиону подошёл старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

— Добро пожаловать, Учитель! Вовремя, ах как вовремя ты приехал, дорогой! — говорил он, обнимая Иллофиллиона и целуя его руку. Иллофиллион отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

— Мир тебе, Раданда! Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы лёгкое облачко мимолётной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова засияло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

— Задачи новые, значит, и Свет придёт новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил свою меру вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия!

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал:

— Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью не только читать мысли, в данный момент обуревавшие человека, но могли почти мгновенно «увидеть» его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул — последний, кто говорил со мной о нём, — ещё больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении любых типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей — «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда, оказавшийся настоятелем, сам повёл нас в глубь прекрасного

сада, где было много цветов и даже огромных, ещё не виданных мною цветущих деревьев. Он привёл нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

— Вот дом в твоё полное распоряжение, Учитель. Здесь размести всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, кого ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец низко поклонился Иллофиллиону, потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: «Благословенны будьте», — ушёл. Пока я мог его видеть, его фигура всё казалась мне движущимся огромным шаром, переливавшимся всеми цветами радуги.

Иллофиллион приказал всем мужчинам устроиться на верхнем этаже, оставив для него самую угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Наталией Владимировной, я помог ей устроиться в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала, и разобраться в её многочисленных вещах. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую, беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул.

Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с Иллофиллионом у дверей его комнаты, расположенной в стороне от всех остальных. Я хотел его спросить, где мне лучше будет поместиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

— Лёвушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника¹ для общения с членами Общины, так как размеры её порядочны. Не согласишься ли ты, — он засмеялся, — занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придётся немало.

---

¹ Келейник — в православной традиции — слуга при духовных деятелях высоких званий (игумене, архиерее и т.п.) или при уважаемых монахах-старцах. Иногда так называли и обычных монахов. — *Прим. ред.*

Иллофиллиону не было надобности говорить мне ещё что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому наставнику и немедленно ощутил блаженство и лёгкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эты выскочили из своих комнат Бронский и Иго-ро, и под общий смех я получил первое приказание Иллофиллиона как келейник.

— Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах. Каждый в своём шкафу найдёт такую одежду. Ванна для женщин — направо от дома, для мужчин — налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо хранить полное молчание. Смотри, не опоздай сам!

Я отправился выполнять своё первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эты.

Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

Глава 2

СОБЫТИЯ В ТРАПЕЗНОЙ. МОЁ НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригладить пёрышки на белоснежной спинке Эты, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталия Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, её не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только её поспешность, но и лёгкость всех её движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартана.

— На этот раз, Лёвушка, — сказала она мне без всякой иронии и юмора, — я хотела опередить всех и всё же пришла позже вас, хотя видела, как вы мчались куда-то с Этой по аллее. Мне бы очень хотелось разделить ваш труд и хоть чем-нибудь маленьким выразить вам свою огромную благодарность за ваше джентльменское поведение по отношению не только ко мне, но и ко всем нам. Я не видела ещё ни одного раза на вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения в адрес кого-либо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчёт в достигнутом вами, почти ребёнком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

— Почему вы думаете, Наталия Владимировна, что встреча с новыми людьми в трапезной — такой тяжёлый момент? — спросил я её, поражённый этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталия Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался Иллофиллион. Часто я видел его особо прекрас-

ным, но никак не мог привыкнуть к меняющемуся выражению его лица. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что это не у Иллофиллиона менялось лицо, а моим глазам открывалась всё новая возможность *видеть* в этом лице что-то большее, чем я мог видеть в нём раньше. Точно так же, не особенно давно, я понял, что не знаю и тысячной доли того, над чем трудится Иллофиллион, и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в его работе, да и её вижу далеко-далеко не всю.

Почти мгновенно в моей памяти промелькнули картины всего этапа моей жизни с момента пира у Али. Я вспомнил свои слёзы в вагоне поезда и беседу Иллофиллиона со мною, разлуку с Флорентийцем в Москве, моё отчаяние первых минут, бурю на море... И я низко поклонился Иллофиллиону, не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за всё проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким я был, так, как он относился ко мне. Когда я выпрямился после моего глубокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

— Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны символизировать мир и радость в наших сердцах, с которыми мы войдём в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков скорби на лицах людей, живущих здесь. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердец отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжёлую атмосферу он вошёл, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и передавайте каждый волю-Любовь своего Учителя им в помощь. Ещё раз напоминаю вам: по правилам жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

Иллофиллион всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эту. Мне показалось, что он прикажет мне оставить Эту здесь, но он сказал:

— Возьми птицу на руки. Ты оставишь её у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдём.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут десять и пришли к островку, отделённому от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьём, вытекавшим из озера, расположенного довольно далеко, выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим, очень старинным домом из белого камня.

Иллофиллион шёл вперёди, за ним шли я, Андреева, Иго-ро и Бронский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита. Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и обо всех тех, кого вывез Иллофиллион, но кто находился не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнётся иначе?

Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал своё внимание и сосредоточился на текущем *сейчас*.

Иллофиллион один вошёл в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на лужайке. Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действительно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях показался Иллофиллион, держа под руку старца-настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эту. Снова Раданда показался мне радужным шаром, но было ли то влияние света взошедшей луны, была ли то игра лучей огромных звёзд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но теперь мне стало казаться, что и Иллофиллион шёл в сияющем ореоле, включив в своё сияние весь ореол Раданды, казавшийся теперь, по сравнению с сиянием Иллофиллиона, тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению,

от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился, в чувстве счастья и в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из ореола Иллофиллиона и заливают всё моё сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде деятельно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не «я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного — мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зелёной книге, которую я нашёл на своём алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем.

Когда я подошёл к нему, он сказал мне:

— Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он на этом месте служит очень недавно и не успел ещё узнать всех правил нашей Общины, но человек он добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я уже знать из тех, кто жил в этой дальней Общине? Да ещё такого человека, которому был бы знаком мой павлин? Но тут привратник вышел из своей сторожки, и я невольно воскликнул: «Мулга!»

Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эты, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о птице.

— Подержи птичку у себя во время трапезы, — сказал привратнику настоятель. — И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права — по нашему закону внутренней жизни — опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздает, как

бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни приводили, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовёт кого-либо из тех, кто находится в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его. Чтобы тебе было легче и сердце твоё не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту *всю* мою Общину и всё, что в ней делается. И если действительно будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь. Помни же, друг, стой как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников!

Иллофиллион взглянул на меня.

— Я предупредил тебя, Лёвушка, что тут надо сохранять полное молчание. Собери внимание ещё глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Помните все, мои друзья, *что* такое «добрый», — прибавил Иллофиллион ласковым, нежным голосом, точно изливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещённых окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм.

Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещённый, но я не понял, чем и как он освещался и откуда именно лился идущий сверху свет. Мне показалось, что наверху тоже были освещённые окна, но я боялся рассеиваться вниманием на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ своего великого покровителя, Флорентийца. Кто-то взял меня за руку. Я увидел возле себя Наталию Владимировну. Она снова, как и в пустыне, показалась мне пушкой с тысячью снарядов.

— Лёвушка, я рядом с вами. Не забудьте включить меня в своё защитное звено, — шепнула она мне.

— Я не знаю, как это сделать, — ответил я ей, пожимая её горячую нервную руку.

— Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое действие вашей мысли и сердца включайте меня,

думая «мы», а не «я», — ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно объединяя свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал сейчас Андрееву как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал. Сердце моё билось сильно, радостно, точно я шёл не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света.

Перед Иллофиллионом и настоятелем два брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном.

Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись возле него, настоятель поклонился Иллофиллиону, приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил рядом с Иллофиллионом, остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними и соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины; они представляли собой как бы барьер между ними и нами. Пока мы рассаживались по указанным нам местам, все, наполнявшие трапезную, продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал свой посох келейнику и занял своё место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и Иллофиллион опустили на свои места, все присутствующие ещё раз поклонились им, сели, и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как всё здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и весёлый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежные, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека сто-

яла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцев Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили возле каждого на стол мисочку, не особенно большую, глиняную, с похлёбкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на Иллофиллиона, рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, у меня разыгрался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад не отвлекаться совсем вниманием на еду. Мне теперь казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощён морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Сидевшие за столами люди сразу поразили меня двумя противоположными проявлениями: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал лёгкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но и снова лишь наблюдал, вместо того чтобы действовать. Я посмотрел на неё и чуть было не сказал «спасибо», как почувствовал словно удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг — не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, — понял, что он велит мне запомнить всё, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара-ореола Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы.

Мало того, я чувствовал силу, которую передавала мне Андреева, помогая сосредоточивать мои мысли. Я собрал всё внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна

фигура. Это был высоченный человек, ростом и тёмной кожей похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напомилавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

подавальщики уже поставили блюда с кашей на столы, а настоятель ещё не взял ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками.

Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на дне ничтожное количество каши. Сделав ещё один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

— В прошлый раз я говорил вам, братья и сёстры, о том, что такое терпение, для чего оно нужно всякому человеку и почему без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встречать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, делая тяжёлый, нудный путь через пустыню. Каждый из вас пусть сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нёс ли он любовь навстречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подобрана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдальцы! Много лет сердце моё носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперёд, и всё же на первом месте ваших духовных волн идёт отрицание.

Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, всё же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание.

Наш высокий гость, Учитель Иллофилион, скажет вам о самообладании. Из его слов вы ещё раз поймёте, что только тот, кто нашёл в себе силы привести в полное самообладание всё своё существо, *может* разыскать тропу к творчеству. Вы же — за малым исключением — все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может входить в русло гармонии хотя бы на короткие минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлёт вам своё озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться. Важно в *эту* минуту суметь победить в себе мелочь условного и воспринять слово Величия, спустившееся к вам. К вам, всё ищущим, всё пытающимся доказать самим себе, что горе ваше обитает не в вас, а вне вас, и что жизнь, которую вы ведёте, не ваших рук производное, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своём чудесном слове нам!

Раданда встал и низко поклонился Иллофилиону, Иллофилион отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

— Мои близкие друзья, мои дорогие братья и сёстры! Много лет я не видел вас. Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного привета и помощи. Мы будем иметь ещё время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобождённого сердца всё то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творящей Любви, пусть разрежет все путы условностей, мешающих общаться в огне и духе.

Мир, который я привёз вам сегодня, это мир не одного моего сердца. Это мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь. Наибольшим вашим страданием, страданием, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были признаны вашей современностью, вашей средой, вашими соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве *это* есть цель и смысл жизни выдающегося человека на земле? Подлинной целью человека, проснувшегося к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на земле. Каждый из вас не только знает, но слишком много знает, как идут пути мировой эволюции людей. Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, служа Светлому Братству, помогая ему выполнять мировые задачи для помощи и развития человечества?

Если вы внимательно взгляните в своё сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас *радости* и самообладания. Подумаем, что такое самообладание? Есть ли это *только* умение владеть всеми *своими* телами¹, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и *такое* самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика — человека, желающего стать членом Светлого Братства, — такое самообладание — ещё даже не начальная часть духовного пути. Оно только младенческий период *подготовки* к встрече с Теми, перед которыми *нельзя* стоять в страстях и бунте...

В чём же проявляется *первая* черта самообладания человека, стремящегося к пути, идущем в ногу с Братьями Светлой Общины? *Первая* ступень ученического самообладания — простое признание себя и каждого *равными* величинами Вселенной; равными *носителями* Единой Сущности, приносящей мирозданию *свои* Силу, Свет и Мир. Если сердце человека

---

¹ Согласно эзотерической философии Востока, человек имеет не только физическое, но и тонкоматериальные тела. — *Прим. ред.*

свободно от предрассудка неравенства, он не придаёт никакого значения тому, что в нём больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует *своих* талантов. Он проходит свой день, вкладывая во *все* дела и встречи силы Единого, которые *ожили* в нём. И потому он не только не ждёт наград и похвал, но раскрывает в себе источник Света и *втягивает* в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе *незыблемый* мир — аспект Единого. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя вновь и вновь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко.

Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о том другом, кого он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника образует плотную перегородку между ним и встречным. Признание, которого вы так добивались от современников и которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлёт Светлое Братство. Оно признаёт вас равными себе. Оно *принимает* вас под свою защиту. Оно *посылает* вам свою Любовь, свою энергию, свою радость, чтобы в вашем сердце раскрылась доброта. Самая *простая доброта* к людям, которых вы признаёте равными себе, как Светлое Братство признаёт вас равными себе и благословенными.

С того мгновения, как однажды человек поймёт, что *он* составляет *центр* встречи, что *он ведёт* тот аккорд, в котором *звучит весь* его день, самообладанию его раскрывается *новая* сила и новый, *укреплённый* со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения *он* соединяется с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он *может* приблизить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут все его дальнейшие действия и встречи. Мысль о том, что данный человек ещё так далёк от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живёте вы, не даёт вам ни права отъединиться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы её ни считали в своё данное *сейчас*. Если бы Светлое Братство,

вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвинулось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишён внимания, никто не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радость этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, которое явило каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство.

✧ Гениальные способности никогда не смогут прийти к тому человеку, в котором глубина Любви не создала святая святых

✧ в сердце. Только из *этих* глубин льются потоки творящей

✧ Силы, и только из них *видит* и *слышит* человек высокие эманации Творца, посылающего через миллионы каналов Свою силу на землю. *Приказать* себе творить так же невозможно, как невозможно *обучить* творчеству другого человека путём подражания самому себе. Чтобы вообще учитель *мог* обучать ученика, надо, чтобы он сам понимал, на собственном опыте, *источник*, из которого льётся творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособиться к манере самого ученика мыслить и воспринимать текущую жизнь. Только тогда он может встать в его положение и попытаться найти для *него* такую систему ученичества, благодаря которой тот сам смог бы понять, как ему освободить в себе волю и силу духа от давления личных, мелких и низменных страстей и неконтролируемых мыслей.

Если вы просмотрите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, затем годы последующие и последний период, до самой последней минуты пребывания в этой комнате, — можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первым вашим импульсом при пробуждении, навстречу расцветающему дню, была мысль разделить труд Белого Братства, внести маленькую часть своего самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? *Имя знания*, вы увлекались одной *личной* жизнью. Вы *говорили* — и *внешне* якобы так и действовали, — *как вы* интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле

**ТОЛЬКО ТОТ
МОЖЕТ ВИДЕТЬ
БОГА В НЕБЕСАХ,
КТО НАУЧИЛСЯ
ВИДЕТЬ И ЛЮБИТЬ
ЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ.**

вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась *ваша* собственная личность.

Настал час — для всех вас без исключения — двинуться теперь к более высокому самообладанию и открыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы всё ещё не понимаете ясно, где, откуда и как *раскрывается путь* к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что *путь* к Учителю ведёт через обычный серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним?

Посмотрите внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкое неприятие друг друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих соседей в Общине? Почему только отдельные единицы среди вас идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: «Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду, если я его не трогаю». О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном настрое, но и вся система мировоззрения, выстроенная вами на подобных началах, — мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «я», ваша личность, не может при таком состоянии вливаться в труд Вечного. Пока сила вашего *раскрытого* Духа не *свяжет* ваш земной труд с огнём Жизни, до тех пор вы не войдёте в круг сотрудников Светлого Братства. А эта связь ткётся самим человеком, и только *теми* частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость.

Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: «Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать её частицей». Но половина из вас всё так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало любви проявлял к вам ваш настоятель? Разве мало внимания уделяли вам те братья, которым был поручен

надзор за вашими нуждами? Дерзнёт ли кто-либо из вас обвинить слугителей этой Общины в недостаточной доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем, как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза!

Как только Иллофиллион произнёс эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к Иллофиллиону. Я содрогнулся — столько сарказма, злобы и даже ненависти прочёл я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. Иллофиллион на каждом лице задержал свой взор. И под его пристальным взглядом, точно под волшебной лаской, стирались на лицах бунт и протест. Выражение этих лиц менялось, смягчаясь, и по щекам некоторых людей покатались слёзы, резко изменив весь их облик.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился взглядом в лицо Иллофиллиона, и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке.

Но три человека оставались склонёнными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться, такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напомнивший мне Дартана своим сходством с ним. Он до этого момента всё время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением Иллофиллиона и за всеми нами. Но как только Иллофиллион встал и начал говорить, он опустил голову и всё ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему удавалось плохо.

Две другие не поднявшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись чёрной одеждой среди белых одеяний. Меня уже давно поразило, что среди людей в белых одеждах за этими двумя столами сидело по одной чёрной фигуре. Что касается человека, похожего на Дартана, то он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета, и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная

из опала и висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка. Только все головки на его цепи были опаловые и чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво смотревшимися на его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, только теперь понял, что выражение ненависти и вызова, сквозившие во взглядах, которые он несколько раз бросил на меня, относились не ко мне, а к моей цепочке и пластинке. Нечто вроде мимолётного опасения за своё бессилие выполнить поручение Дартана снова мелькнуло во мне, но толчок от Наталии Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строгановых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уоми и всё последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но даже много серьёзнее для Иллофиллиона и трёх склонившихся за столами фигур. Стремительно собравшись весь в комок мольбы, я мысленно воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева ощущает в эту минуту много больше моего, что она зовёт Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с Иллофиллионом и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно, крестообразно сложившим руки на груди. Я отчётливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходившую от него и наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом¹, но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время я не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своём внимании, в подъёме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склонённые фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сторбиться, съёжились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и низко опустили головы.

---

¹ Магнетизм — особая сила в природе и человеке, проявляющаяся в виде излучений невидимого тонкоматериального вещества или энергии. — *Прим. ред.*

Улыбнувшись всем глядевшим на него людям, теперь счастливым и радостным, Иллофиллион сказал:

— Мои дорогие братья и сёстры, мои любимые друзья, когда-то спасённые Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе — параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с тёмными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться из их власти. И не потому, что тёмная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищённое место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как отпечаток калёной печати в ваших сердцах. Вы не могли простить до конца тем лицемерам, которые, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали ваше простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей.

В эту минуту, окружённые любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благословить их, принять их несчастье как урок себе, в своё доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а став радостными, нашли и новый путь к освобождению — творчество вашего сердца. В этот момент ни один из вас не остался сидеть, вы встали, потому что сила радостной гармонии подняла вас. Вы чувствуете, как всё существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей.

Вы много лет боролись и разыскивали тропу — каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, — к творчеству или духовному освобождению, и вот в единое мгновение совершился поворот в вашей судьбе: вы нашли эту тропу и вступили на неё. Запомните навсегда этот покой, тот благостный мир, которые наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, когда в вас раскрылась и двинулась к действию ваша Любовь. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телом. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в ко-

торых вы жили здесь. Вас больше не надо защищать, теперь вы будете защищать всюду встречаемых. Вы свободны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте планеты или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена, и в любое место Земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены.

Мой вам последний завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом вы ни занимались, каких бы людей вы ни встречали, никогда не думайте, что одни лишь тяжёлые внешние обстоятельства подавляют и губят людей. Впишите в своё сознание, в сердце, в память навечно, что *все* внешние обстоятельства *каждого* человека, какими бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и поставленному в них человеку, все — повторяю — *его* обстоятельства *защищают* его вечную жизнь, а не подавляют или губят её. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них разницы. Ибо и те, и другие отныне *одинаково священны* для вас. Примите благословение Любви, посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: *она признало* вас равными себе. И да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов; да не нарушит вашей внутренней гармонии никакое *непризнание* вас людьми. Будьте благословенны именем Светлого Братства — мир вам!

Иллофиллион благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

— Идите, друзья и братья, радуйтесь счастью возратить Жизни те дары и таланты, которые Она дала вам в веках, и, очищенными, приносите во все дела и встречи не *себя* в талантах, но таланты в себе.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампы. Казалось, им жаль было оторвать взгляд от сверкавшего красотой и мощью лица Иллофиллиона. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем. Все мы, следом за Иллофилли-

оном, отвечали на их поклон. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходявшего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец даёт мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пустела. Столы, где сидели согбённые фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно убрали посуду, передав её через окошечки в левой стене на кухню, теперь блистали белизной и чистотой, быстро и бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими белыми пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестёр Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть за столом, что они делают попытки выпрямиться, желая уйти вслед за остальными, но не могут этого сделать, как не мог злобный карлик оторваться от пола перед Франциском в маленькой детской трапезной в Общине Али.

— Встаньте, несчастненькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце моё, и в том вина моя, а не ваша, — раздался голос настоятеля. И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в нём любви и трогательного желания защитить, что слёзы невольно покатались по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

«Мужайся и твори действительную Любовь, только так могу помочь через тебя», — услышал я его дивный голос и устыдился своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

— Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие моё, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и способов для вашего освобождения,

я был вам примером слабым и малым, да будут небеса взыскательны ко мне, но благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце моё века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его облик и весь ореол Света, окружавший его, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я чётко сознавал, передавалась сейчас колоссальная сила Флорентийца, вливаясь в ореол Раданды.

Я ясно видел, как в его ореол лилась также и сила Али, и ещё несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественным и торжественным, и я ощущал себя не просто находящимся в великом храме, но так, точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, всё держа руки скрещёнными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трём сидящим фигурам. Я забыл обо всём, я точно вышел из тела и слился с огнём Флорентийца. Я видел не только тела этих сидящих фигур, но и их горящие ауры, и понимал разницу их трепетавших огней.

От великана с опаловой подвеской шли бешено, зигзагами багровые, чёрные и грязно-серо-зелёные молнии, которые он направлял прямо в центр ореола Раданды. Но эти огни, не достигая ореола, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана.

Вторая чёрная фигура посылала, точно целое море змей, такие же багровые и чёрные молнии к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задохнувшегося.

От фигуры последнего, дальше всех сидящего человека, исходили мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от него, были испещрены чёрными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо старалось найти в сердце остатки своей прежней чистоты, благослов-

ляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур к этому несчастному летели молнии багровых проклятий и приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

— Встань, мой друг, — раздался голос Иллофиллиона, вытянувшего руку по направлению к этому человеку.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобождённая, засветилась голубыми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою Иллофиллиона.

Как только фигура подошла к Раданде, натянутый на её лицо капюшон плаща упал, и перед нами предстала женщина, не старая и красоты редкостной. Она чем-то, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал приглушённый стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, всё тело которой сотрясалось в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

— Прости, святой отец, прости великой грешнице! Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты прости нас всех! Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение! К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное. Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой! Пусть вся моя жизнь пойдет на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет ему мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему ещё раз, в последний раз, благую руку помощи!

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. В тот же миг раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел опаловый сфинкс, и бросил её, ловко рассчитав удар, так,

чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По тому свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжёл и что женщина будет неминуемо убита.

Рука Иллофиллиона мгновенно протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел, как цепь, описав в воздухе зигзаг, ударила по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя. Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда Иллофиллион остановил полёт цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из пластинки-амулета, подаренного мне Дартаном, вылетело несколько жёлтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился над женщиной, поднял её и обнял, поздравил Лалию, Нину и Никито.

— Отведите её к привратнику. Там уже ждут носилки. Помогите отнести её в больницу и оставайтесь при ней, пока я не приду. Она будет в беспамятстве, не смущайтесь этим. Я скоро приду.

Оглянувшись, Раданда улыбнулся леди Бердран и поманил её пальцем.

— Иди и ты с ними, Светляночка. Да и вы, друзья, помогите им, — обратился он к Бронскому и Игоро. — Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за всё это время. Она была бела как лилия и, несмотря на тёмный цвет волос, слово «Светляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдёт даже до порога, не только до больницы, так была она хрупка, так слабы и неуверенны были её движения. Когда она поравнялась с сияющим образом Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но знал, что она не видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась, вся засветилась, на её бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша.

Когда вся группа наших друзей вышла, уводя еле двигавшуюся красавицу, прелесть которой можно было сравнить,

пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, в трапезной на несколько минут водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает своё самообладание и все свои силы, и последовал её примеру. Я весь ушёл в молитву Флорентийцу о помощи несчастным, наступление грозного момента жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчёта в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Только я хотел поточнее убедиться, что это именно он, как вдруг увидел ещё одну, новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

— Мой бедный брат! Милосердие даёт мне последнюю возможность ещё раз обратиться к тебе с увещеваниями, — раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца. — Встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость. Постепенно — от строптивости к гордыне, от гордыни к надменности и сарказму — он пришёл к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей. Теперь он лежит бессильно и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не бойся. Ты ещё можешь найти прощение, можешь начать трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя моё несчастное. Мгновения идут, судьба твоя ещё в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши!

Не успел отзвучать голос старца, как чёрная фигура резко выпрямилась, сбросила капюшон со своей головы, и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать его? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. Это было бледное лицо в рамке иссиня-чёрных волос, узкое, дерзкое. Вся фигура этого человека, тоже узкая, стройная, была нечеловечески тонка и, завёрнутая в какую-то плотно облегающую одежду, была похожа на огромную змею. Глаза у него тоже были змеиные, узкие и ярко-жёлтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. То, что этот человек был трусливым и коварным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставля-

ло сомнения. Но почему он и великан оказались *здесь*, этого я понять не мог.

Человек стоял молча, глаза его бегали от лица Иллофиллиона к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему можно было бы зацепиться. Мгновения всё шли в полном молчании. Вдруг я увидел ещё одну внезапно возникшую сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

— Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, — раздался голос Иллофиллиона.

Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его проскользнула судорога, и он изогнулся всем своим тонким телом, что ещё больше подчеркнуло его сходство со змеей.

Иллофиллион пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

— Повинуйся!

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел снова накинуть на себя свою чёрную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Наконец ряса упала у его ног, он с трудом высвободил их и стал медленно приближаться к нам. На лице его, бледном и раньше, теперь вообще не оставалось никаких признаков жизни. Приобретшее какой-то трупный цвет, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворённая. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нём, — ничего не мог я уловить на этой маске. И шёл он, как автомат, точно всё, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив одну его внешнюю скорлупу. Как ни медленно он шёл, но всё же настала минута, когда ему пришлось подойти к Иллофиллиону и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и Иллофиллион передвинулись так, чтобы быть рядом, по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огром-

ная фигура Али, от которого исходила высокая стена огня. За спинами всех старших братьев эта огненная стена образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нём.

Я понял, что человек-змея видит Али и видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, несчастный точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он попробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

— Стой спокойно, или ты сгоришь, — сказал ему Раданда. — Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому назад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что это был последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю добра, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

— Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, — прошипел он в ответ Раданде. — Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман; и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы сейчас идти со всех сторон.

— Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, — раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он. Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

— Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горячей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь друзья, — а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти! И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там

примешь путь вечной муки в кругу тёмных сил. Муки твои будут удесатеряться воспоминанием о жизни здесь, где тебе — поверив твоим мольбам и клятвам, забыв о моём предупреждении насчёт тебя — предоставил возможность спастись Раданда. Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине. Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил.

Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, перед тобой теперь последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром. Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введённый, внутрь защитной стены — и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и сам прощённый до конца, ты умрёшь как эта жалкая оболочка, но войдёшь в великий поток Жизни и начнёшь свои новые воплощения, будучи очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадёшь в руки своих бывших приятелей, давно тобою недовольных. Выбирай. Ещё несколько мгновений мы можем предоставить тебе выбор, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, ещё могут простоять короткие мгновения. Когда мгновения эти истекнут, ты будешь выведен за стены Общины, и там совершится твоя судьба.

Наглость и злоба, с которыми слушал вначале слова Али змееподобный человек, теперь сменились на его лице такими отчаянием и ужасом, описать которые невозможно. Его лицо снова превратилось в маску, совершенно мёртвую. Мне казалось, что ничего — ни мысли, ни чувства — нет больше в нём, что он даже и решения никакого принять не может, настолько его парализовал ужас. Но я ошибся. Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он, наконец, нащупал один из них, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман — я не мог разобрать, что это была за вещь, — он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

— Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри неё. Спешу, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал спокойно, но твёрдо.

Я увидел, что огненная стена уже достигла головы Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек¹, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, и Франциск обратил свое лицо к несчастному, изливая на него из своих глаз потоки любви, улыбнулся ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я ещё в жизни ни разу не слышал, и не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не услышать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей и переживаний; вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочёл в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я почувствовал, как дрогнуло всё злое, налипшее на этом сердце, и как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из него. Я видел уже не мольбу, не борьбу его, но полное понимание, что смерть в огненной стене остаётся единственной защитой от ещё худшего зла.

Упав на колени, человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражён: под тяжестью несчастного Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему на помощь — Али, как молния, очутился там и столь же мгновенно перенёс человека внутрь стены. Руки Али осторожно поставили раскаявшегося грешника в центре круга. Теперь он дышал учащённо, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

¹ Имеются в виду физическое и астральное тела. — *Прим. ред.*

— Прости, я ненавидел не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искренность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты. О, какое счастье, какую лёгкость я испытываю сейчас! Впервые я понял, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в котором я сейчас умираю? Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня!

Он хотел сказать ещё что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет её уже не был огненно-красным, она переливалась всеми цветами радуги с преобладанием голубых и розовых тонов.

— Лёвушка, — услышал я голос Иллофиллиона, — выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже сдвинуться с места не смогу. Сейчас же, получив приказание Иллофиллиона, я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратничкой, услышал громкий разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

— Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибежали даже от ворот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещённый дворик. Я провёл их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стояла на коленях возле головы умершего, произнося какую-то

молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с коленей, поднял Андрееву и обратился к братьям:

— Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте носилки с его телом в мою часовню. Молитесь о нём так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех, его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

— Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните всё, чему вы были и будете свидетелями здесь. Знайте твёрдо: до *последнего* момента надо верить и надеяться *пробудить* в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живёт *Она*, а для её пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Изливайте и дальше ваши любовь и доброту в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая частица доброты, проявленная для утверждения любви и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет ещё нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повёл по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: оно стало прозрачным, и по всем направлениям в нём летали рубиновые звёздочки. Они то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не просто красивое зрелище, но ещё и запечатлённые в пространстве изречения, которые я не смог бы прочитать, а Андреева их читала чётко, быстро и точно. Теперь наши роли поменялись — не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, ещё раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

— Помоги младшему брату разобраться язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. — Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее, чем казалось издали.

— Слушайте, Лёвушка, я читаю знаки огня, — сказала мне Наталия Владимировна и произнесла:

✧ «Над великими событиями рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет жесткого предела, ✧ положенного извне, для часа смерти. Нет и силы, выбрасывающей ✧ дух человека обратно в земной мир. Закономерным действием воли самого живущего на земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого движется по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими кажутся людям события земных жизней, проходящие перед их глазами. Всё течёт закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только *знающему* открывается полный Свет, в котором он видит все звенья своего и чужих путей.

✧ Величие и смысл жизни и смерти состоит не в видимых телесными очами фактах, но в силе тех потоков любви, ✧ которые может человек *из себя* излить или *в себя* вобрать».

Рубиновые звёздочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, который лежал за облаком. Мы старались излить из себя всю любовь, которая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое присутствие Флорентийца настолько объединяло его со всем моим существом, что я не мог различить, где был «я» и где «не я». Я весь слился с моим обожаемым другом. Во мне вдруг появилось ни разу до этого не испытанное мужество. Я почувствовал уверенность и радость оттого, что буду в силах передавать другим помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, и стал абсолютно спокойным. Я понял на деле, что

значат слова: «забыть о себе и думать о других». И не менее ясно понял я, *что* такое «освобождённость». Ничто личное теперь не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий и по-новому видел и понимал жизненные пути людей.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими другими событиями, свидетелем которых был раньше. Я благоговел перед новыми открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду.

К нам подошёл Иллофиллион. Облако рассеялось полностью. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы видели вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне. Дартан держал в руках тяжёлую цепь с амулетом, принадлежавшим своему двойнику, и пристально смотрел ему в глаза.

Видя их обоих рядом, я ещё раз убедился в их разительном сходстве, только двойник Рассула был чуть поменьше ростом и волосы его были немного темнее. Несомненно, это были близнецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот лишь напоминал Дартана. Злобное выражение лица этого великана, его глаза, мечущие молнии, и всё его возбуждённое поведение очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к Дартану, то увидел, что его лицо хранит твёрдое спокойствие и печаль. Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. Иллофиллион подвёл нас ближе к ним и поставил между Али и собой.

— Друг мой, мой бедный брат, — снова заговорил Раданда. — Я всем сердцем прощаю тебе всё то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твоё духовное видение. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Всё, всё я прощаю тебе и молю Великую

Мать и всех её служителей защитить и помирить тебя от всех печальных последствий, которые ты вызвал к жизни за годы пребывания здесь.

Не *ты* виновен, что я проявил слабость и допустил своей излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и установить для тебя внешнюю дисциплину, видя, что ты не способен достичь самодисциплины. Я же всё верил и надеялся, что, живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдёшь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не выполнил приказания Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашёл нужного тебе занятия в жизни. Ты был мне поручен, и я не сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой!

Лицо великана выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоятеля, ядовито улыбался, но молчал.

— Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Светлыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, — заговорил Рассул. — Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности для такой деятельности, которую ты сам хотел бы избрать себе. Но, даже окружённый доверием и любовью, ты занимался лишь тем, что искал недостатки в окружающих. Перечисляя их тёмные пятна, ты обманом ввёл сюда свою несчастную жену и своего мёртвого теперь друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: я бессилён в этот третий раз помочь тебе. Больше я не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и Иллофиллиона и можешь рассчитывать только на собственные силы.

В последний раз я, грешный Рассул, могу ещё умолить Светлое Братство об одном: защитить тебя от посмертного преследования тёмных сил, предоставив тебе такой угол на земле, где бы ты, в непрерывном труде и суровой дисциплине, мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца

и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты мечтаешь, и не потому, что тебя кто-то здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запялнул злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу. Или ты поедешь в тайную Общину, спасённый в последний раз Милосердием; там ты будешь вылечен и приготовишься долгими годами тяжёлого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, на лице его отразилось невыносимое страдание, по тёмной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он её смахнул и продолжал голосом таким тихим, нежным и скорбным, услышать который от этого великана я никак не ожидал. Мне казалось, что мощи этого человека и предела нет.

— Или ты умрёшь здесь, сейчас, и тёмные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно статуя, и всю его внутреннюю борьбу отражало лишь его лицо. При всем мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердного из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к этому несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном. Он взял одну его, лишённую движения руку, и положил её ему на сердце, поддерживая её своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку грешника ему на лоб.

— Взгляни на стену, — произнёс он. — Там ясно видна картина того, что ждёт тебя, если ты умрёшь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддержала, он рухнул бы снова на пол.

— Не медли, — сказал Али. — Ещё минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай!

Еще одна судорога потрясла тело несчастного, ещё один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и буквально выдавил из себя хрип:

— Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец перестал поддерживать руки несчастного, и они упали, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

— Тебе, нарушителю покоя всюду, где бы ты ни поселился, Великая Жизнь даёт в последний раз Свою защиту: ты будешь немым и глухим до тех пор, пока в сердце своём не найдёшь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезным другим людям, к которым ты сам станешь доброжелательным. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, к тебе начнут возвращаться речь и слух, — заговорил снова Али, и голос его походил на гром. Он продолжал:

— Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, всё время помни картину, которую показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезёт надёжная охрана, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословлённый, призывай имя моё в минуты невыносимого внутреннего разлада, и я разделю бремя твоё, облегчу тяжесть твоих страданий!

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу:

— Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил её, — обратился он к Беньяжану. — Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию земле. Ты украл цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни — прежде чистого жёлтого цвета — стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слёзы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней ты сможешь судить,

близко ли ты к освобождению. С каждым малейшим твоим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прекрасный жёлтый цвет.

Лёвушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, — закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жёг мне руки и казался таким тяжёлым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку.

Когда я возвратился на своё место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять, так дрожали мои ноги и стучало в голове.

— Ясса, — услышал я опять чёткий и сильный, но уже не громopodobный голос Али. — Ты поедешь начальником конвоя и отвезёшь в тайную Общину этого человека. Возьми десяток братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и всё время в пути будь рядом с ним. Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костёр, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем обратно. Обратно езжай через скалы в пустыне и через маленький оазис чёрных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его беспомощно висевшую руку, плотно обернул плащом его громадную фигуру и пошёл к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, ступавшего так тяжело, точно шла целая рота солдат.

Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжёлые шаги этого человека были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрёл.

— Подойдите ко мне, — услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталия Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка настолько, насколько может быть близкой мать или

сестра. И если бы она повела меня в пустыню, а не к Али, я пошёл бы за ней всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной нет никого, кроме Али, Иллофиллиона, Наталии Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

— Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Всё, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при новых встречах почувствуешь, что *можешь*, — действуй. Но никогда не превышай своих сил. И где *указана* граница — не преступай её никогда. Учись понимать, что если ты будешь переоценивать свои силы и выходить за рамки, *указанные* тебе, то, несмотря на твои благие намерения, вместо помощи ты будешь приносить только лишние бедствия и страдания в мир. Приходи быстрее к новому знанию, ибо мир не ждёт. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нём.

Али обнял Наталию Владимировну, она точно утонула в исходящем от него снопе огня, который так ослепил меня, что я невольно закрыл глаза руками. Я почувствовал, что Иллофиллион нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращённый ко мне:

— Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на кусты розовых магнолий и чёрные клены. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или чёрные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что ты знаешь мало, носи слово своё, ибо оно всегда будет словом Светлого Братства.

Али притянул меня к себе, и я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня...

Я очнулся на руках Иллофиллиона, который вносил меня в мою комнату.

Глава 3

ШКОЛА. Я ПЕРЕДАЮ ПИСЬМО ФРАНЦИСКА. ЗНАКОМСТВО С ЖИТЕЛЯМИ СКИТА. СТАРЕЦ СТАРАНДА

Несмотря на то, что я пришёл в себя ещё на руках Иллофиллиона, я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что новые звуки, неожиданные для меня, — это гудящие удары большого колокола, а толчки — усердное торможение меня моим дорогим Этой.

Птица явно беспокоилась, перебегала от моей кровати — узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса — к дверям комнаты Иллофиллиона, как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил и в одно мгновение чётко вспомнил всё происходившее прошлой ночью. Должно быть, мой физический организм был ещё недостаточно закалён для подобных переживаний, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде лёгкой тошноты. Как мне не доставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудесного Яссы, который, конечно, привёл бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего мне следует начать свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к Иллофиллиону неумытым и толком не одетым, я схватил полотенце и хотел

бежать в душ, как дверь комнаты Иллофиллиона открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

— Что, мой дружок, ты не очень хорошо себя чувствуешь?

— Что я не очень хорошо себя чувствую — это верно, мой дорогой Иллофиллион, но это пустяки, — ответил я. — А то, что я, будучи келейником-секретарём, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. Этим утром я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

— Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для первой общей еды. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на отдельные участки, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, а потом прибери обе наши комнаты, надень чистую одежду и после этого обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с его начальником.

Иллофиллион ушёл к себе, я же побежал с Этой в ванную. У меня был большой соблазн несколько поменять порядок данных мне поручений. Я опасался, что все наши друзья, так же, как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания Иллофиллиона были для меня законом любви, и я не решился вносить в них какую-нибудь отсебятину.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки; у обеих в руках были букеты цветов. Я удивился свежему виду обеих женщин и отсутствию всякой

усталости на их лицах. Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Наталии Владимировны, так много подмечавшие, заметили и мою усталость, и моё общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к Иллофиллиону, я увидел его сидящим за письменным столом и углублённым в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я прибрался в его комнате, в которой, кстати сказать, и убирать-то было почти нечего, так как всё в ней было абсолютно чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и времени сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей ещё безмятежно спали и приказ Иллофиллиона был для них словно гром с ясного неба. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чём торопиться. Игорю всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя подготовиться к выходу.

Обежав оба этажа, я ещё раз пригладил свои непокорные локоны перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все завязки на одежде и обуви и вышел на крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей дома. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но вместе с тем не знал, как и чем им помочь. Слава Богу, Бронский и Игорю пронеслись вихрем обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и с радостным криком помчался за угол дома. Я не понял, куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли Лалия, Нина и Терезита. Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все участники нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях показался Иллофиллион, все были в сборе.

— В той трапезной, куда мы сейчас пойдём, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость *утверждения*, уверенности, что Жизнь защищает живущих здесь людей, давая

им все возможности достичь совершенства именно в тех обстоятельствах, которые необходимы *им*. Какими бы трудными и тяжёлыми ни показались эти обстоятельства вам, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в *вечные* пути людей. В этих внешних условиях выражена вся забота тружеников Вечного Милосердия о каждом человеке. Старайтесь не умом раскидывать, *что* из здешних обстоятельств вы хотели бы облегчить, устранить, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, *что* такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом *Вечном* и несите Ему привет сердца в видимых формах мелькающего перед вами *сейчас*.

Едва Иллофиллион произнёс эти слова, как к крылечку подошёл брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

— Мой настоятель шлёт тебе, Учитель, привет любви и мира. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утренней трапезе, которую ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, что ему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряжённое внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд Иллофиллиона скользнул по фигуре артиста, и он ещё раз громко сказал:

— Помните о том, что я только что вам говорил.

Иллофиллион отдал поклон присланному брату.

— Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат ещё раз поклонился нам и пошёл вперёд, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я всё больше поражался размерам территории Общины. Она действительно была громадна. А сад подходил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нём было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто

пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдали мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тонкого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образовывавшего нечто вроде большущих рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплётках, но раздумывать было некогда. Подойдя ещё ближе к прозрачному дому, я заметил много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей её вышел навстречу нам высокий человек в чёрной монашеской одежде, с чётками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Его каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался Иллофиллиону во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь Иллофиллиону, он сказал:

— Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдёшь в столовую моего участка. Будь благословен. Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств того, когда, где и как ты спасал людей — такое множество их ты спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, — обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

Иллофиллион обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но кожа их загрубела от физической работы и была покрыта мозолями и ссадинами.

— Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен. Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных слугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо ответил:

— Так пойду, как поведёшь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, которых ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжёлым трудом. Но теперь уже давно всё понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя!

Он ещё раз поклонился и ввёл нас в зал — стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел Иллофилион, он сел рядом с ним, и только тогда множество раньше нас вошедших в столовую людей опустили на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода десять сестёр и братьев, несших своё дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как с места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стёкла, обрамлённые узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радость. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льётся, и им же втягивается, волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем я не мог сравнить этого приёма. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и сознавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети лет восьми — двенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица весёлые и добрые, глаза, радостно и спокойно светившиеся.

Я взглянул на брата, подававшего еду на наш стол. Это был тот самый брат, который приходил за нами посланником от Всеволода. Его лицо всё так же сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых Иллофиллион направил конвоирами буйного всадника, встреченного нами в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за которую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест усердно, чтобы не смущать никого из тех, кто обладал хорошим аппетитом. Каша была вкусная, сладкая — из чего она, я разобрать не мог, да, пожалуй, никогда такой и не пробовал. Но тем не менее я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом проглотил несколько ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом Иллофиллиона. Мне было так трудно есть, что на последний настойчивый взгляд Иллофиллиона я мысленно ответил ему его же фразой: «В пути не надо много есть». Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла. Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и наш стол. Сидевшая рядом со мною Андреева так же, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко шутливо говаривала обо мне в Общине Али, что единственное наше с ней сходство — прожорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили большие кувшины с молоком. Несмотря на то, что руки брата, подававшего еду на наш стол, были изуродованы — на правой не хватало мизинца, а на левой — средних пальцев, он делал всё быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика. Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой её формой. Высокая, из